

НЕОБЫЧНАЯ СУДЬБА

Федор Поленов

«Глубокоуважаемый Василий Дмитриевич, вчера только я узнал, что Вы вернулись в Москву, спешу принести Вам свое сердечное поздравление по случаю двадцатипятилетия Вашей художественной деятельности и высказать Вам свое глубокое уважение как к наиталантливейшему художнику, благодарности как своему учителю и доброму, отзывчивому человеку. Сделанное Вами в качестве художника — громадно-значительно, но не менее значительно Ваше непосредственное влияние на московское искусство. Я уверен, что искусство московское не было бы таким, каким оно есть, не будь Вас. Спасибо Вам и за себя, и за наше искусство, которое я безумно люблю. Уважающий Вас глубоко и искренно преданный Вам И. Левитан». Это письмо было написано 22 ноября 1896 года.

С трогательной заботой следил Василий Дмитриевич за первыми шагами своих учеников в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, радовался их успехам больше, чем собственным, всячески старался им помочь. Неоднократно битый жизнью, страдавший от официального антисемитизма, остро нуждавшийся и морально подавленный, молодой Левитан не имел средств для поездки в Крым. Поехать туда он смог благодаря материальной помощи Поленова. С этой поездки в 1886 году и начинается широкая известность и признание Левитана-пейзажиста. В одном из писем осенью того же года Антон Павлович Чехов сообщает, что у него сейчас живет Левитан, только что вернувшийся из Крыма. Он там написал свыше пятидесяти замечательных, по мнению специалистов, этюдов. «Талант его растет не по дням, а по часам», — заканчивает Чехов.

Крымские этюды Левитана сразу были замечены художественной обще-

ственностью. Часть их приобрел для своей галереи Павел Михайлович Третьяков. Тогда этот случай — приобретение Третьяковым небольших пейзажных этюдов — был беспрецедентным. Поленов отказался принять от Левитана затраченные на крымскую поездку деньги. Тогда Левитан подарил своему учителю несколько этюдов с пейзажами Крыма, которые экспонируются в поленовском музее. Высокая их оценка прозвучала в письме Поленова жене, написанном через год из Ялты: «Чем больше хожу я по окрестностям Ялты, тем все больше я оцениваю наброски Левитана. Ни Айвазовский, ни Лагорио, ни Шишкин, ни Мясоедов не дали таких правдивых и характерных изображений Крыма. Молодец Левитан!» По одному совсем маленькому этюду «Васильсурск» Поленов предсказывал живописи своего ученика большое и славное будущее.

Тяга Левитана к Поленову была постоянной.

Был ли Левитан у Поленова на окском берегу? Никто этого до сих пор не знал и не знает. Никаких письменных свидетельств на этот счет нет. Нет указаний на такую встречу и в самых подробных биографических материалах, не сказали о ней и оба художника ни разу. Любой исследователь вправе отрицать возможность пребывания Левитана в поленовских местах близ Тарусы. Да и так ли важно это сейчас, через сто с лишним лет после описываемых событий? И тем не менее это важно для истории поленовского музея, в экспозиции и фондах которого Левитаном оставлен значительный и неповторимый след.

Так был ли все же Левитан у Поленова на Оке? Был. Пожалуй, сейчас я один могу утверждать это. И говорю об этом впервые.

И. Левитан. «Въезд в деревню». Музей-заповедник В. Д. Поленова

...На большой высоте, рассыпая мелодичный звон в ясном предвечернем небе конца сентября, проплывал косяк журавлей. Мой отец, которому шел семьдесят девятый год, сказал: «Помнится, впервые я увидел журавлей в Старом Бехове.— И, глубоко задумавшись, добавил: — Давно это было... В ту осень к отцу в Бехово приезжал Левитан. Он первый заметил журавлей и сказал мне: «Смотри, Митя, журавли летят!»

Отец, проживший долгую, трудную, исполненную многих тяжелых лишений жизнь, сохранил до конца своих дней отличную память. Как и у большинства очень старых людей, она была сильна на отдаленные события детства и молодости. Но подробностей приезда Левитана он не запомнил. На мои расспросы сказал: «Спроси у тети Кати. Может быть, она помнит». Моя старшая тетка многого сказать не могла. Предположительно она назвала год — 1891-й. Ей было четыре года, но она хорошо запомнила, как, стоя на ступенях крыльца дома в Старом Бехове, отец подхватил ее, высоко поднял, перевернул несколько раз в воздухе и с возгласом «Ай да Катериша!» передал на руки Левитану. Свой нехитрый рассказ она закончила словами: «Мне это ярко запомнилось: это было очень весело и почетно».

Живопись Левитана... С детства входит она в сознание человека образами элегического «Вечернего звона», эпохальной «Владимирки», ратоборством небесных сил и размышлениями о сути земного бытия над вечным покоем сельского кладбища. А осенние Сокольники? А левитановские ночные копны? Работы Левитана экспонировались на Всемирной выставке в Париже в 1900 году. Вот что говорила о ней моя тетка Екатерина Васильевна Поленова: «Для русского человека, любящего родную землю, выставка Левитана — это история его жизни. Вот ранняя весна. Среди снегов хлынул ручей. Не в Абрамце ли это за плотиной, у дубовой рощи? Ожидание скворцов на деревьях, залитых большой водой. Они будут сесть в дуплах и скворечниках и петь на заре радостные песни. Сумерки в зеленоющем овраге — не там ли это, где ждет художников в домике на лесной просеке их друг и собиратель — доктор Трояновский? Тончайшая жемчужина, почти миниатюра — яблони в цвету в саду этого садовника-чародея, который в конце лета будет угощать своего «Левиташу» сочными яблоками, а потом не отойдет от одра его смертельной болезни. Вот тропинка на пригорке — не здесь ли была первая встреча и первое

счастье молодого чувства? И вот серая осень, сыро, ветер рвет листья — не здесь ли короткое прощанье до радостной встречи перешло в разлуку на всю долгую жизнь?»

Василий Дмитриевич Поленов считал Левитана одним из самых талантливых и значительных современных ему отечественных художников. Его творчество он делил на несколько этапов. На первом он отмечал подробную проработку мелких деталей. «Под моим влиянием», — говорил Василий Дмитриевич. Для последнего, заключительного периода считал характерными изумительную легкость в передаче светотени, эффектов освещения, из которых рождается настроение. Говоря о детализации, о повышенном внимании к мелочам у раннего Левитана, Поленов, конечно же, имел в виду великолепный левитановский «Заросший пруд», которым, наряду с лучшими работами Коровина, Якунчиковой, самого Поленова, по праву гордится музейная коллекция.

Сейчас «Заросший пруд» широко выставлен. Он экспонировался на многих выставках в СССР и за рубежом, репродукции с него вошли в большинство изданий, посвященных музею Поленова. А ведь судьба шедевра левитановской кисти чуть было не стала трагичной. В свое время об этой необычной судьбе рассказал в очерке «Дело особой важности» журналист Евграф Кончин. Речь шла о поисках и находке картин из собрания поленовского музея. Воспользовавшись превратностями и лихолетьем военного времени, после того как через Поленово прошла линия фронта, преступник, имевший доступ к музейным коллекциям, похитил ряд ценных картин и скрылся, уничтожив часть инвентарных описей. Дело поиска казалось безнадежным, а утрата — невозполнимой. Здесь нельзя не вспомнить феноменальную память и знание всего абсолютно, что касалось коллекций, тогдашнего директора музея Дмитрия Васильевича Поленова. Он сумел после окончания войны без описей и каталогов (которых в то время просто не было) обнаружить пропажу. По его инициативе и

был начат поиск, который длился долгие годы. Местом поиска стала вся страна. Среди украденных произведений живописи были такие шедевры, как коровинский «Милан», «Мальчики-удильщики» Маковского, «Васильсурск» и «Заросший пруд» Левитана.

Нити поиска повели из Тулы на Дальний Восток, в Приморье, на Сахалин, в Среднюю Азию и снова в Европу: преступник часто менял место жительства. Только благодаря профессионализму, исключительной скрупулезности и добросовестности работников Управления внутренних дел Тульского облисполкома этот долгий поиск увенчался успехом. Экспонаты поленовской коллекции были обнаружены на квартире преступника в городе Туапсе. Они висели на стене — прошло так много времени, что вор не сомневался в своей безнаказанности.

Прежде чем вернуться в музей, изъятые при обыске картины прошли экспертизу. На заключительном этапе «дела особой важности» для опознания был вызван директор поленовского музея. Картины висели на стене — на этот раз на стене кабинета заместителя начальника следственного отдела. Работников следственных органов интересовало выражение лица директора музея, когда он увидит «материалы опознания». Узнает или не узнает? Реакция Дмитрия Васильевича была неожиданной для всех.

Он молча подошел к картинам, и, когда дотронулся рукой до левитановского «Заросшего пруда», глаза его наполнились слезами. Сомнений в подлинности предъявленного «материала опознания» не оставалось. Оставалось последнее и главное в этой длинной и достаточно запутанной истории — вернуть картины в музей. Там они находятся по сей день.

Прошло свыше ста лет со времени приезда Левитана в Старое Бехово. Много изменилось в мире, много воды утекло в Оке и ее притоках, свыше ста раз улетали на юг и возвращались журавли. А проникновенная задушевность левитановских полотен так же свежа, как и в прошлом веке.